

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЙ: ОТ МАНИПУЛЯЦИИ ДО АДАПТИВНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

CONSTRUCTING DEFINITIONS: FROM MANIPULATION TO ADAPTIVE INTELLIGENCE

V. Gut
E. Dotsenko

Summary: Approaches to creating definitions of scientific concepts, their methodology and the methods used are discussed. The processes (sometimes poorly realized) are described, due to which definitions “ripen” in the scientific community: the author’s appeal to his linguistic instinct (the practice of word usage), the explicit formulation of a previously implicit definition, the coordination of the views of different authors, the approval of the norm for using the concept. On the example of the concepts of «interpersonal manipulation», «intelligence» and «emotional intelligence», possible ways of purposefully constructing definitions are discussed, their possibilities are analyzed. A procedure for constructing a definition of the concept of «adaptive intelligence» based on the results of an empirical study is proposed. An assessment of the definition obtained in this way is given: adaptive intelligence is the ingenuity, resourcefulness/ingenuity and skills, positively recognized by society, shown by an individual or group in solving vitally urgent problems.

Keywords: adaptive intelligence, intelligence, emotional intelligence, definition, implicit definitions, everyday consciousness.

Гут Валерий Викторович

кандидат психологических наук, компания AQ Institute
(г. Москва)

valeriy_gut@mail.ru

Доценко Евгений Леонидович

доктор психологических наук, профессор, Тюменский
государственный университет

dotsenko_e@bk.ru

Аннотация: Обсуждаются подходы к созданию определений научных понятий, их методология и используемые методы. Описываются процессы (порой слабо осознаваемые), благодаря которым в научном сообществе «вызревают» определения: обращение автора к своему языковому чутью (практике словоупотребления слов), явное формулирование имплицитного прежде определения, согласование представлений разных авторов, утверждение нормы использования понятия. На примере понятий «межличностная манипуляция», «интеллект» и «эмоциональный интеллект» обсуждаются возможные способы целенаправленного конструирования определений, анализируются их возможности. Предложена процедура конструирования определения понятия «адаптивный интеллект» на основе результатов эмпирического исследования. Дана оценка полученного таким образом определения: адаптивный интеллект – это позитивно признаваемые обществом изобретательность, находчивость/смекалка и умения, проявленные индивидом или группой при решении жизненно острых задач.

Ключевые слова: адаптивный интеллект, интеллект, эмоциональный интеллект, определение, имплицитные определения, быденное сознание.

Определить понятие – значит очертить содержание, к которому это понятие отсылает [1, с. 34]. То, как автор научной работы обращается с определениями (заемными или своим), выступает ярким индикатором его методологической «зрелости». По этому основанию можно выделить несколько способов обращения с определениями.

«Инфантильное» (наивное) обращение: центральное понятие работы (реферата или курсовой) не определяется вовсе или берется случайно выбранное из популярного словаря (иногда просто толкового); чаще встречается у школьников и первокурсников. Для ряда задач легковесное отношение к определениям бывает оправданным, например, касательно часто используемых понятий, но как правило это все же небрежность.

«Детское» (эгоцентрическое) обращение: приводит ряд определений без анализа и комментариев, далее звучит псевдо-аргумент «по нашему мнению» или «на наш взгляд» и выбирается какое-то из упомянутых

определений для использования в своей работе. Это обращение характерно для многих студентов и недавних выпускников – молодых специалистов, для которых научные тексты как явление из неведомой реальности.

«Отроческое» (протестное) обращение: приводится ряд определений без анализа и комментариев (или комментарии минимальны), далее звучит решительное «мы не согласны с данным определением» и через переход «по нашему мнению» или «на наш взгляд» автор предлагает собственное определение. Такое обращение в ходу у начинающих свою работу аспирантов и у самостоятельно работающих над научной проблемой «независимых исследователей».

«Детское» и «Отроческое» обращения уместно квалифицировать как застольные (чай, кофе, спиртное без излишеств), так как они воспроизводят типичный для неформальной компании сценарий беседы – обмениваться личными мнениями и настаивать на собственной правоте.

«Юношеское» (аналитическое) обращение: анализ чужих определений опирается на задачи или ограничения своей научной работы («ничего личного, только логика»). Собственное определение (если автор не присоединился к какому-то из существующих) создается как модификация чужого или хорошо аргументированная компиляция из нескольких определений. Встречается не очень часто, характерно для авторов с заметным статусом в научном мире.

«Взрослое» (методологическое) обращение состоит в том, что сначала выдвигаются требования к искомому определению, затем рефлексированы основания для поиска релевантных критериев, затем выполняется процедура набора и отбора критериев, и в завершение предлагается формулировка, в которую заложен необходимый и достаточный набор признаков определяемого понятия. Правда, методологически корректное конструирование определения – это пока что экзотическое явление для психологии. Приходится констатировать, что в отношении ясности используемых понятий уровень научного дискурса в целом производит грустное впечатление [2].

Вместе с тем, методологическая зрелость может быть атрибутирована не только исследователю, но и самому научному понятию, так что приведенная типология способов обращения с определениями может отражать еще и процесс «созревания» самого понятия, проявляясь в его определении. Определения принято разделять на явные и неявные [1, с. 34]. Явные, вероятно, соотносимы с более «зрелыми» понятиями, чем неявные. Последние уместнее было бы называть косвенными, поскольку они все же вербализованы. Самыми незрелыми будем считать понятия, которыми пользуются, несмотря на отсутствие определения; будем называть их имплицитными, чтобы не путать с неявными.

Цель данной работы – отрефлексировать опыт создания определений научных понятий, обсудить методологию и методы, используемые для этого. Мы намерены рассмотреть процессы (порой слабо отрефлексированные), благодаря которым в научном сообществе создаются («вызревают») определения, показать возможные способы целенаправленного конструирования определений, оценить их возможности. Выполним это на примере понятий «межличностная манипуляция», «интеллект» и «эмоциональный интеллект». В завершение предложим процедуру конструирования определения понятия «адаптивный интеллект» с опорой на результаты эмпирического исследования.

От имплицитной модели автора к коллективному определению

Ряд имеющихся определений слишком оптимистич-

но называются общепринятыми. С одной стороны, сам атрибут «общепринятое» сомнителен в качестве признания, поскольку научный дискурс полемичен по своей природе. А с другой, многие «общепринятые» определения есть результат такого компромисса, который угрожает разрушением самому определяемому понятию (как будет показано на примере определения интеллекта).

В самом наивном виде опорой для определения некоего понятия выступает *лингвистическая интуиция* автора (чувство языка). Ее содержание – это имплицитное семантическое поле понятия, которое сложилось в результате привычной для данного автора практики словоупотребления. Практика словоупотребления реализуется «воспроизведением устойчивых сочетаний слов в различных текстах: один реализовавшийся текст вызывает ответную реакцию в виде другого материального текста, в котором неизбежно воспроизводятся те-заурусные единицы первого текста» [3, с. 16].

Формулировка определения некоего понятия находится автором как экспликация этих интуитивных представлений (имплицитного определения) – субъективно-го смысла, которому требуется придать статус понятного всем значения¹. Вербальными индикаторами того, что автор в заметной степени руководствуется своими интуитивными представлениями, выступают эрзац-аргументы вида «я считаю», «по нашему мнению», «мы склонны думать, что», «как нам представляется» и т.п. Вероятно, с ростом научной квалификации исследователя в его текстах таких индикаторов становится меньше.

Однако каким бы аргументированным не являлось предложенное автором определение, с момента его презентации в силу вступает процесс коллективной работы над этим понятием в форме научного дискурса. Каждый читатель в фоновом режиме (автоматическом, неререфлексируемом) сравнивает чье-то определение со своими имплицитными представлениями (сравнение реализуется как семантический резонанс) – и откликается на него, занимая позицию сторонника (при высокой степени совпадения) или оппонента (при критическом расхождении).

Полемика с коллегами тоже способна строиться на методологически наивном уровне «я считаю» или «мы не согласны», отражая незрелость возможно уже не столько исследователей, сколько самого понятия. Столкновение с другими «я считаю» снова поднимает вопрос практики словоупотребления, теперь уже в узком кругу лиц с повышенной компетентностью в предмете обсуждения. Но даже с аргументами уровня «я считаю» зрелость суждений все равно имеет тенденцию повышаться. Потому что, во-первых, нельзя бесконечно обмениваться мнениями,

1 Этот процесс подобен тому, который обеспечивает языковое творчество ребенка [4].

их следует обосновывать. Как правило, запускается рефлексия участников и в отношении изменений в содержании понятия, и – что важно – в отношении собственного стиля ведения полемики. И, во-вторых, семантический материал, с которым имеет дело дискурс, становится все более «плотным» и «насыщенным»: обнаруживаются все более тонкие оттенки значения – фрагменты семантики обсуждаемого понятия. Его семантическое поле становится коллективным (заведомо эксплицитным), наполняется новыми оттенками.

С годами в семантическом поле понятия выделяется ядро высокого согласия между коллегами, практика словоупотребления нормируется. Она то – норма употребления понятия – и принимается большинством пользователей за общепризнанное определение. Отметим наличие подмены: общепринятым является не суть определение, а *нормированная практика употребления понятия* (по факту еще недоопределенного).

В идеале исходно субъективные представления, пройдя процесс согласования, постепенно становятся научными понятиями: *устоявшееся* (зрелое, сложившееся) **определение есть результат компромисса интуиций очерченного круга авторов** (этих авторов мы затем находим в ответах поисковых систем).

Жизнь, правда, не столь идеальна. Значительную роль в становлении понятий играет т.н. «человеческий фактор». С одной стороны, важную роль играет предприимчивость отдельных ученых, их настойчивость и работоспособность, высокая убедительность, а порой и банальные интриги. С другой, решающим фактором часто выступает консолидация позиций группы авторов в виде научных школ – у этих коллективов есть возможность игнорировать альтернативные суждения/аргументы, а то и подавлять их, создавать впечатление высокой согласованности позиций.

Технически существует минимум две задачи, сильно не совпадающие между собой по условиям решения: 1) определить уже существующее понятие, которое имеет солидную практику или давнюю традицию своего использования; 2) дать определение еще не существующему понятию, ввести его в научное употребление как новое. Представляется, пути решения этих задач будут различны. Но ни в том, ни в другом случае мнением автора ограничиться не удастся – нормы научного дискурса требуют обоснования как набора критериев (их полноты и достаточности), так и формулировок. Эскизно опишем некоторые из способов конструирования определений.

Анализ уже сложившейся семантики словоупотребления

Сравнительно благоприятна ситуация, когда некое

слово (или словосочетание) имеет давнюю практику своего использования, да еще и в различных контекстах. Этого достаточно, чтобы выполнить анализ сложившейся практики, проследить изменения семантического поля, лежащего за этим словом или словосочетанием. Так, когда мы встали перед необходимостью дать определение межличностной манипуляции [5], то столкнулись с тем, что авторы почти не заботились об обосновании предложенного определения, а опирались на него как на исходное положение. Лишь один автор ввел дополнительную процедуру – предложил определить манипуляцию через обобщение нескольких случаев (ситуаций), содержащих феномен межличностной манипуляции [6]. Правда, критерии отбора самих ситуаций снова остались за пределами обсуждения. А это значит, они извлекались из семантической интуиции (имплицитного определения) самого автора, как это имело место и у других коллег, сразу предлагавших свое определение.

Мы приняли за основу положение, что **семантические интуиции авторов опираются на** один и тот же фундамент – **практику употребления слова** «манипуляция». Индивидуальные имплицитные представления представляли собой тот фрагмент этой практики, с которым имел дело конкретный автор. Историческая реконструкция этой практики (начиная с римского войска: *manipula* – отряд особого назначения) показала, что семантика слова несколько раз менялась (семантически сдвигалась), будучи используемой метафорически. А в итоге: «полная метафора психологической манипуляции содержит три важнейших признака: идею «прибирания к рукам», обязательное условие сохранения иллюзии самостоятельности решений и действий адресата воздействия, искусность манипулятора в выполнении приемов воздействия» [5, с. 47]. Эти критерии и были заложены в определение межличностной манипуляции: «это вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [там же, с. 59].

Ясно артикулированные основания (положения) практически не оставляют места субъективным искажениям со стороны автора определения. А наличие детально описанной процедуры конструирования определения позволяет коллегам обнаружить источники искажений и предложить свои корректировки. Однако нашлись авторы, которые после цитирования определения межличностной манипуляции, заявляли о своем «несогласии с Доценко».

Уважаемые коллеги – любители протестного обращения с определениями! У вас нет методологического права не соглашаться с автором, предложившим процедуру конструирования интересующего вас определения. Зато у вас есть возможность **подвергнуть анализу эту про-**

цедуру. Для того она и прописывалась, чтобы убрать «мнение» автора! Фраза «мы не согласны с автором» – это застольная реплика, не достойная серьезного исследователя. Говоря так, мы опускаемся до борьбы «мнений», что подрывает устои научной полемики, в своей основе настроенной на логику и предметную (а не на субъективную) аргументацию.

Разумеется, «снижение стиля» само по себе не катастрофа, но потери чувствительны. Показательна в этом свете история постепенного (стихийного) формирования определения понятия «интеллект».

Естественное согласование семантик в ходе научного дискурса

Состояние дел в определении понятия «интеллект» часто упоминается специалистами как пример низкой согласованности между исследователями. Чего не скажешь о лингвистической интуиции авторов, отсылающей к корням понятия. Латинское *intellectus* (понимание, рассудок) производно от *intelligere* (воспринимать, познавать, мыслить); однако последнее само образовано от двух праиндоевропейских корней: *enter* (между) и *leg* (собирать, подбирать) [7]. Т.е. глубинное значение «интеллект» указывает на умение выбирать необходимое (что уже непросто), а еще и находить связь между отобранным и условиями задачи. Примечательно, что в этом заключается суть идеи инсайта (вюрцбургская школа)! В нем мы имеем предельно формальное и обобщенное видение сути мышления и обеспечивающего его интеллекта.

Кроме того, Р.Дж. Стернберг с соавторами реконструировали имплицитные (т.е. отсылающие к архаике) представления обывателей и профессионалов (специалистов по интеллекту), и обнаружили, «что у людей есть хорошо сформированные прототипы, соответствующие различным видам интеллекта, что эти прототипы очень похожи у экспертов и неспециалистов, что прототипы тесно связаны с некоторыми психологическими теориями интеллекта и что прототипы используются при оценке собственного и чужого интеллекта» [8, р. 47]. Это указание на множественность имплицитных семантик, имеющих в обыденном сознании (влияющем на исследователей), что несомненно осложняет выработку согласованного понимания природы интеллекта.

Как показали дальнейшие исследования имплицитных теорий интеллекта, большинство научно сформулированных свойств интеллекта обнаруживаются и в представлениях неспециалистов об интеллекте и разуме. Это навеивает мысль, что специалисты и непрофессионалы

«черпают» из общего семантического источника. Правда, характеристики интеллекта неравномерно распределены между опрашиваемыми участниками исследований (согласно притче, разные слепцы имели доступ к разным частям слона). Обнаружены различия как между социальными группами [9], так и между культурами [10]. Так что «изучение имплицитных теорий в разных культурах помогает понять конкретные ценности, которые каждая культура разделяет в отношении интеллекта, наряду с более универсальными убеждениями» [11, р. 3]. Неустойчивость результатов рождает предположение, что результаты зависят и от индивидуального (по сути, случайного) состава выборок. Объяснение сильного разброса в результатах находим в том, что в обыденном сознании существует *несколько различных прототипов* интеллигентности/интеллекта (*intelligence*) – высококачественного сочетания качеств людей (*intelligent persons*), по которым можно предсказать их успешность в проявлении интеллекта [8]. Вероятно, верно, что исследователи по преимуществу эксплицируют свои неявные представления об изучаемой реальности – каждый свои, но суммарно картина получает шанс быть весьма полной. Хотя одновременно и пестрой, противоречивой.

И вот он – продукт достигнутого в результате десятилетий поиска компромисса: «*Интеллект – это очень общая умственная способность, которая, среди прочего, включает в себя способность рассуждать, планировать, решать проблемы, мыслить абстрактно, понимать сложные идеи, быстро учиться и учиться на собственном опыте*» [12]. Родовая отнесенность задана как «очень общая умственная способность» (к сожалению, без указания в чем она состоит). Далее идет перечень детализаций этой способности, с указанием на его неполноту: «среди прочего». Это определение-коллекция, перечисляющая как рядоположенные не вполне однородные феномены (и мыслительные процессы, и умения). Образно говоря, это мешок, из которого уже что-то достали («способность рассуждать» и далее по тексту), но из которого вполне может быть извлечено еще что-то новое. То есть, определение не определяет понятие целиком и однозначно – это и есть цена компромисса. Если опереться на программную работу [13], то термин «интеллект» еще не может быть признан научным термином².

Под определением официально подписались 52 специалиста, что действительно беспрецедентно для психологии. Это из числа многих тысяч исследователей, правда, эти 52 – признанные в научном сообществе люди. Не согласным с данным определением коллегам остается руководствоваться операциональным определением 100-летней выдержки: «интеллект – это то, что измеряют

2 Авторы обсуждают следующие признаки термина: предметная отнесенность, наличие дефиниции и точность [13, с. 720-722]. Далее они предлагают расширенный список признаков, но для наших задач и этих трех достаточно для указанного умозаключения.

тесты» («Intelligence is what the tests test») [14]. Грустная прелесть его в том, что при таком понимании каждый имеет возможность измерять именно то, что сам считает интеллектом – то, что согласуется с его имплицитными представлениями, корреспондирует к его прототипам. Заметим, без оглядки на «устоявшееся» и даже согласованное определение. Похоже, процесс согласования «мнений» придется повторять уже на новом витке развития понятия «интеллект».

Создание новой семантической реальности

В отношении понятия «эмоциональный интеллект» мы имеем особый случай. Задача инициаторов состояла в том, чтобы дать определение еще не существующему понятию, ввести в научный дискурс новый термин (словосочетание). Решить такую задачу непросто, потому что не к чему адресовать свое определение – предмет отсылки еще не известен. Соответственно, у коллег (и других пользователей) еще нет ни имплицитной семантики (языковой интуиции), ни практики использования/употребления пока не существующего понятия. Но были два существенных условия. Первое заключалось в том, что нет и разнобоя мнений – казалось бы, чистая доска, пиши на ней что хочешь. Однако второе условие состояло в том, что было необходимо преодолеть сложившееся как в обыденных представлениях, так и в науке противопоставление интеллекта и эмоций, ума и чувств. Оксюморон – явление литературное, в жизни же трудно убедить людей, что существует «пламенный лед» или «спокойная ярость».

Задачу облегчило то, что в представлениях его авторов и коллег уже начала выделяться предметная область, которую призван был обозначить будущий термин *emotional intelligence*: в мышлении все чаще обнаруживались эффекты от эмоций, а в эмоциях все чаще обнаруживались подобные мышлению процессы. Необходимость совмещения интеллекта и эмоций складывалась также в психотерапевтической практике (А. Эллис), а в психосоматике было описано противоположное эмоциональному интеллекту явление – алекситимия (П. Сифнеос). То есть, в науке и практике *новый термин уже ожидался* для обозначения новой предметной «почвы» – представлений о характере реальности (возможно, лишь мыслимой), к которой этот термин будет адресоваться.

Наконец, в 1990 году появилось понятие эмоционального интеллекта, под которым понималась «когнитивная способность (*saracity*) рассуждать об эмоциях и использовать эмоции для улучшения мыслительной деятельности; [которая] включает способности (*abilities*) точно

различать эмоции, вызывать эмоции для содействия мышлению, понимать эмоции и эмоциональные знания и осознанно регулировать эмоции, чтобы способствовать эмоциональному и интеллектуальному росту» [15, р. 197]. Как справедливо квалифицировала это определение И.Н. Андреева, эмоциональный интеллект – «это вид интеллекта, связанный с обработкой, интерпретацией и использованием эмоциональной информации» [16, с. 989]. Нет ничего необычного в том, что вид интеллекта выделен по предмету приложения интеллектуальных усилий. Выделил же в 1983 году Х. Гарднер семь различных форм интеллекта: пространственный, музыкальный, лингвистический, логико-математический, межличностный, внутриличностный и телесно-кинестетический. Неясно лишь, за что эмоциональный получил особые привилегии.

Потом произошло нехарактерное для науки событие – в дискурс было вовлечено население, не обладающее исследовательскими компетенциями. Произошло это благодаря популярному изданию [17]. Эту публикацию можно оценить или как средство оказания давления на научных оппонентов; или как стремление превратить понятие в коммерческий бренд. Обе версии предполагают манипулирование общественными ожиданиями, использование населения как средства решения не декларируемых задач.

В России эта манипулятивность, вероятно, оказалась более выраженной. Как показала Ю.А. Авдеева, в англоязычной версии мы имеем дело с термином *emotional intelligence*, в котором «нет той противопоставленности разума чувствам, которая остается в русском варианте «эмоциональный интеллект»» [18, с. 66]. Поэтому словосочетание «эмоциональный интеллект» может восприниматься как оксюморон в связи с имплицитной оппозицией интеллекта эмоциональной сфере человека» [там же].

Реконструкция семантических полей обыденного сознания

По отношению к понятию «адаптивный интеллект» стоит иная задача: с одной стороны, понятие уже существует [19; 20], а с другой, необходимость в этом понятии слабо артикулирована, а само оно почти сливается с понятием «практический интеллект» [21³]. Как результат, понятие адаптивного интеллекта пока используется ограничено и еще не раскрыт его теоретический и прикладной потенциал, в частности, психотехнический.

Как было показано выше, стихийное формирование признаваемого научным сообществом определения

3 Найдены два определения практического интеллекта: «способность формировать субъективное психологическое пространство в окружающем нас мире» [21, с. 9]; и «способность адаптироваться к повседневным условиям существования, формировать их и делать выбор условий, оптимальных для индивида» [там же, с. 12].

требует значительного времени, но не гарантирует его качество и жизнестойкость. Для разработки определения адаптивного интеллекта требуется найти решение, которое бы ускорило этот процесс и одновременно обеспечивало бы *соответствие искомого определения следующим требованиям*:

- отсылает к понятной и доступной феноменологии;
- согласовано с конструктами обыденного сознания, отражающими реальность, к которой отсылает определение адаптивного интеллекта;
- удобное для использования в тренингах, хорошо мотивирует их участников.

Перефразируя известную поговорку, в нашем случае новое – это хорошо отрефлектированное старое. А именно:

1. Практика словоупотребления может быть обобщена до любых видов *устоявшихся практик*: решения задач, ритуалов, отношений – всего, что совершается регулярно, в силу чего накопило в себе социальный опыт. К этим практикам можно обратиться, даже если релевантной практики словоупотребления пока еще нет.
2. В качестве респондентов и экспертов стоит привлекать не только профессионалов, но и наивных *носителей обыденного сознания*. Исследовательская задача состоит в том, чтобы извлечь их конструкты и имплицитные модели («карты»), презентующие интересующие нас социальные практики (отраженные в таких «картах» «территории»), и из них уже построить обобщенную модель. Для начала достаточно извлечь лишь материал для будущего определения («указатели, метки»), а подробные описания оставить для последующей работы. Наличие репрезентативной выборки респондентов позволит сократить затраты на согласование субъективных позиций небольшого числа исследователей.

Использование реконструированных семантик обыденного сознания в качестве материала для создания нашего определения правомерно по следующим соображениям.

Во-первых, выше было показано, что и профессионалы, и обыватели черпают семантический материал из одних источников (см. [8]). Основное различие между ними состоит в языковой компетентности – в специализированном тезаурусе и навыке формулирования своих мыслей. Это различие преодолевается за счет настройки процедур сбора данных.

Во-вторых, идеографические практики (проективные

тесты, психосемантические методы, беседа, ассесмент-центры, психотерапия...) показывают, что респонденты знают реальность, в которой они живут, не хуже исследователей. Последние порой даже не догадываются о характере имплицитно имеющихся у респондентов конструктов. Это тем более справедливо в отношении адаптивного интеллекта. Поэтому обращение к обыденным представлениям способно хорошо *дополнить прозрения* ученого.

И, в-третьих, создание научного понятия начинается с метафоризации [22] – семантического сдвига исходного значения⁴ в направлении, которое задается исследовательскими задачами. Учитывая, что «...речь идет скорее об общих ассоциациях, зачастую трудно определимых, ибо метафора зарождается на базе расплывчатых понятий, которыми оперирует человеческое подсознание» [23, с. 15], в этом сдвиге значения автор снова(!) адресует к своему лингвистическому чутью (субъективному). Порождая формулировки, автор еще раз адресует к своей компетенции (заведомо индивидуальной). В результате рождается понятие со слабым соответствием характеру общественной практики, порой и вовсе не жизнеспособное. (Например, как если бы адаптивному интеллекту дать такое определение: «сложная, многоуровневая система, которая состоит из четырех способностей человека: ценностей, способности поддерживать эмоциональную стабильность в условиях изменений и неопределенности, интеллектуальной гибкости и специальных коммуникативных навыков»).

Технически работа по **реконструкции семантических полей обыденного сознания** строится так:

- готовится *стимульный материал* – набор слов, высказываний, изображений и т.п., семантически релевантный предмету исследования; он позволяет настроить респондентов на предметную область – актуализирует в их образе мира релевантные этой области конструкты;
- сбор данных – респондентам поручается выполнить некую *работу с этим материалом*: просим описать что-то в нем, дать ассоциации, сделать высказывание, дать объяснение, сравнить между собой материал и т.п.; соответственно, выборки респондентов подбираются под задачи исследования;
- *фиксируется продукт* со сгенерированными респондентами текстами, в которых проявлено содержание актуализированных конструктов;
- из полученного продукта *извлекается* (семантически сгущается) необходимый исследователю *результат* с помощью содержательного (контент-анализ) или математического инструментария.

4 Примеры метафоризации: «психоаналитический подход» (психоанализ не ходит), «картина мира» (мир не нарисован), не говоря уже о «черной дыре» или «кротовых норах».

Психосемантический подход (именно он представлен в этих процедурах) – это универсальная технология сбора семантической продукции от респондентов (экспертов), содержательной работы с ней, тонкого анализа данных и широкие интерпретативные возможности теоретических положений. Процедура эта организуется в два этапа: феноменологическое исследование и субъективное шкалирование. Для конструирования определения адаптивного интеллекта достаточно феноменологического исследования (извлечь конструкты, игнорируя связи между ними). Поэтому мы остановились на такой **методике** (процедуре):

Стимульный материал – письменное описание ситуаций, содержащих проявления адаптивного интеллекта; *процедура сбора данных* – просим респондентов вынести суждения в отношении ситуаций (ответить на 3 вопроса); полученные *данные* – тексты ответов на вопросы, содержащие фрагменты представлений респондентов о практике решения острых жизненных задач; *выявляем* с помощью контент-анализа релевантный адаптивному интеллекту набор конструктов с указанием их семантического веса (частота упоминания).

Детальное описание самого исследования и обсуждение полученных результатов выполнено в специальной публикации [24]. В ней же предложено искомое определение адаптивного интеллекта:

Адаптивный интеллект – это вид практического интеллекта, порождающий позитивно признаваемые обществом изобретательность, находчивость/смекалку и умения, проявленные индивидом или группой при решении жизненно острых задач.

Жизненно острые задачи – это те, что направлены:

- на выживание – буквально на спасение своей жизни (в самых острых случаях), своей собственности, социального статуса или символически – на спасение своего социального лица (вид перед людьми),
 - на сохранение целостности участников ситуации (физического, социального или психического здоровья), пригодности и используемости важного для человека имущества,
 - на защиту идентичности – своей индивидуальности (права быть собой) или групповой идентичности (права быть частью выбранного для себя сообщества).

Указанные в определении *изобретательность, находчивость/смекалка и умения* указывают, что владелец адаптивного интеллекта сам отвечает за все:

- надо найти решение – проявить изобретательность (подобно архитектору),
- надо придумать, как осуществить решение – про-

явить находчивость и смекалку (так же, как инженер рассчитывает проект вслед за архитектором), — да еще и самому все воплотить в жизнь – проявить нужные для этого умения (подобно строителю, без которого ни замысел, ни проект не станут строением).

Изобретательность, находчивость/смекалка и умения вместе подчеркивают тотальную ответственность решающего задачу и за процесс, и за успешность – он отвечает за них своей жизнью, здоровьем, достоинством, идентичностью, социальным благополучием, именем, «лицом», достатком и т.п.

Позитивно признаваемые обществом – позволяет подчеркнуть, что решая свою острую жизненную задачу, человек (группа) получает полезный результат: сохраненные жизнь и/или здоровье, восстановленное достоинство, полезное многим приспособление, масштабируемый опыт и т.п. Признак указывает на возникновение в результате решения задачи новой ситуации: публичную подотчетность и *ответственность* участников за полученный в ходе решения результат, за его возможные последствия. Для некоторых профессий или задач этот моральный момент крайне важен: какой ценой одержана победа (потери, затраты), экологические последствия (ущерб природе или отношениям), политический резонанс и т.п.

Оценка возможностей созданного определения

Как и требовалось, определение отсылает к понятной и общедоступной феноменологии: это острые ситуации с задачей на выживание (реальное или символическое) и способы ее решения.

Определение согласовано с конструктами обыденного сознания, в силу того что создано на языке будущих пользователей. Самые яркие конструкты – *изобретательность, находчивость/смекалка и умения* – отражают самые значимые свойства адаптивного интеллекта: практическую привязанность к контексту (к ситуации и ее условиям), поисковый характер активности и невозможность делегировать решение кому-то другому!

Это определение получено в результате процедурного согласования «мнений», выполненного на новом методологическом уровне; вместо экспликации имплицитных представлений одного автора (или нескольких) мы получили коллективные представления наивных пользователей.

При этом оно согласуется с традицией научных исследований – есть указание на родовую принадлежность понятия (*вид практического интеллекта*) и его видовые характеристики. А также соответствует совре-

менным тенденциям в исследованиях интеллекта [20] – отсылку к этике и мудрости (*позитивно признаваемые обществом*) и ситуативную обусловленность.

Самый интересный результат – своеобразный «бонус» от респондентов – состоит в том, что три критерия *изобретательность, находчивость/смекалка и умения* составляют полный цикл решения любой задачи: освобождение автомобиля из снежного затора в пустынном месте, быстрое устранение хозяйственной проблемы перед приходом гостей, отстаивание себя перед сверстниками⁵, утрата паспорта в загранпоездке и т.п. Говоря в строительной метафоре, сам себе и архитектор, и инженер, и строитель.

Как и планировалось, определение удобно для использования в тренингах – задает логику тематического плана: описание ситуаций (постепенно повышая их остроту), анализ найденных решений, последовательная отработка изобретательности (жизненного творчества), находчивости/смекалки, тренировка умений, оценка экологичности, этичности, конструктивности найденных решений и воплощения их в жизнь. То же касается и мотивационного обеспечения⁶ участия в тренингах благодаря остроте решаемых жизненных проблем и привлекательности тезауруса (изобретательность, находчивость, смекалка).

Выводы

В работе описана процедура создания определенных научных понятий, состоящая в согласовании ин-

дивидуальных представлений до вида, когда результат принимается в кругу референтных коллег. На примере определения интеллекта показано, что это длительная процедура, не гарантирующая жизнестойкость полученного результата.

Более быстрые пути предполагают целенаправленный сбор семантического материала – от анализа практики словоупотребления до опроса специалистов и наивных респондентов. Затем требуется его дополнительная обработка, как минимум с помощью контент-анализа. Эффективность такой работы была обсуждена на примере определения понятий «межличностная манипуляция» и «эмоциональный интеллект». В полном виде этой работы следует привлекать психосемантические методы, вплоть до математических средств снижения размерности данных.

Была предложена процедура конструирования определения понятия «адаптивный интеллект» с опорой на результаты эмпирического исследования (само исследование подробно представлено в другой публикации). Показаны возможности полученного в результате такой процедуры определения: оно отсылает к понятной и общедоступной феноменологии, создано на языке будущих пользователей, отражает практическую привязанность к контексту, поисковый характер активности и невозможность делегировать решение на другого, при этом согласуется с традицией научных исследований, соответствует современным тенденциям в исследованиях интеллекта, к тому же удобно для использования в тренингах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусев Д.А. Логика: конспект лекций с задачами. – М.: Айрис-пресс, 2005. – 240 с.
2. Киселева Н.И. Основные подходы к рассмотрению научного понятия и характеристике термина // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2014. – 2(58). – С. 306-312.
3. Осокина С.А. Основания лингвистической теории тезауруса: дис. ... доктора филологических наук. – Барнаул, 2015. – 451 с.
4. Гридина Т.А. Языковая интуиция как эвристический вектор детской речи // Педагогическое образование в России. – 2015. – № 11. – С. 172-179.
5. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М.: ЧеРо, Издательство МГУ, 1997. – 344 с.
6. Rudinow J. Manipulation // Ethics. – 1978. – 88(4). – P. 338-347.
7. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://www.etymonline.com/index.php?term=intellect> (дата обращения: 07.04.2023).
8. Sternberg R.J., Conway B.E., Ketron J.L., Bernstein M. People's conceptions of intelligence // Journal of Personality and Social Psychology. – 1981. – 41(1). – P. 37-55. DOI:10.1037/0022-3514.41.1.37
9. Fitzgerald J.M. & Mellor S. How Do People Think About Intelligence? // Multivariate Behavioral Research. – 1988. – 23(2). – P. 143-157. DOI: 10.1207/s15327906mbr2302_1
10. Swami V., Furnham A., Maakip I., Ahmad M.S., Nawi N.H.M., Voo P.S.K. et al. Beliefs about the meaning and measurement of intelligence: a cross-cultural comparison of American, British and Malaysian undergraduates // Applied Cognitive Psychology. – 2008. – 22(2). – P. 235-246. DOI:10.1002/acp.1356
11. Rachev N. Students' concepts of intelligence: Prototypes and implicit theories // Bulgarian Journal of Psychology. – 2009. – P. 304-316.

⁵ Девочка на детской площадке залазит на кораблик: «Во что вы здесь играете?» – «Мы – команда пиратов», – ответили так, будто им уже никто не нужен. – Ответ был мгновенный и творческий: «Значит, я буду вашим капитаном!»

⁶ Р. Стернберг подчеркивал отличие адаптивного интеллекта от логического по степени заинтересованности индивида в решении проблемной задачи [19]

12. Gottfredson L.S. Mainstream science on intelligence: an editorial with 52 signatories, history, and bibliography // *Intelligence*. – 1997. – 24(1). – P. 13-23.
13. Гринев-Гриневиц С.В., Сорокина Э.А., Молчанова М.А. Еще раз к вопросу об определении термина // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2022. – 13(3). – С. 710–729.
14. Boring E.G. Intelligence as the Tests Test It // *New Republic*. – 1923. – 36. – P. 35-37.
15. Mayer J.D., Salovey P., Caruso D. Emotional intelligence: Theory, Findings, and Implications // *Psychological Inquiry*. – 2004. – 15 (3). – P. 197-215. DOI:10.1207/s15327965pli1503_02
16. Андреева И.Н. Об истории развития понятия «эмоциональный интеллект» // *Вопросы психологии*. – 2008. – № 5. – С. 83-95.
17. Goleman D. *Emotional intelligence*. – N.Y.: Bantam Books, 1995. – 352 p.
18. Авдеева, Ю.А. История и этимология формирования семантики слова «интеллект» в английском и русском языках. – 2020. – 4(40). – С. 63-70. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2020.40.4.07>
19. Sternberg R.J. Adaptive Intelligence: Intelligence Is Not a Personal Trait but Rather a Person × Task × Situation Interaction. // *Journal of Intelligence*. – 2021. – 9(4):58. DOI:10.3390/jintelligence9040058
20. Sternberg R.J. Adaptive Intelligence: Its Nature and Implications for Education // *Education Sciences*. – 2021. – 11(12): 823. DOI:10.3390/educsci11120823
21. *Практический интеллект* / Р. Дж. Стернберг, Дж. Б. Форсайт, Дж. Хедланд и др. – СПб.: Питер, 2002. – 272 с.
22. Мишанкина Н.А. *Метафора в науке: парадокс или норма?* – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – 282 с.
23. Гак В.Г. *Метафора: универсальное и специфическое* // *Метафора в языке и тексте*. – М.: Наука, 1988.
24. Гут В.В. *Адаптивный интеллект: опыт феноменологической настройки определения (в печати)*.

© Гут Валерий Викторович (valeriy_gut@mail.ru), Доценко Евгений Леонидович (dotsenko_e@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Тюменский государственный университет